

ЛЕНИНСКОЕ ЗНАМЕ
г. Москва

18 ДЕК 1986

ОН ЛЮБИТ УЛЫБКИ НА ЛИЦАХ ЛЮДЕЙ

Народному артисту Советского Союза Юрию Владимировичу НИКУЛИНУ исполняется шестьдесят пять лет.

Сегодняшний день его полон забот, перечислить которые не берется никто из его коллег, друзей и даже домочадцев. Да и сам Юрий Владимирович, когда его спрашивают об этом, улыбаясь, разводит руками.
Я позвонил Юрию Владимировичу Никулину, с которым не раз встречался по своим журналистским нуждам, и сказал:

— Юрий Владимирович, я хочу написать о вас.
— А что случилось? — спросил он.
— Случится. Вам восемнадцатого исполнится шестьдесят пять лет. Вы не возражаете?
— Против чего — очерка или шестидесяти пяти?

ЕСТЬ люди, с которыми по-человечески тепло и уютно. К ним идешь и заранее знаешь, что идешь к порядочному человеку, которому можно довериться, рассказать обо всем, что он поймет тебя и, если возможно, сделает для тебя доброе дело.

Я сидел в кабинете Никулина (времененно, пока строится новый цирк на Цветном бульваре, его директор и главный режиссер обосновались на соседнем бульваре — Петровском), и наш разговор прерывался постоянными звонками, входили и выходили артисты и сотрудники... Почти со всеми Никулин на «ты», внимательно выслушивал, что-то советовал, подписывал: работал, помогал.

Телефонный звонок. Юрий Владимирович снял трубку. Глаза стали добрейшими, улыбка, как говорится, до ушей. Звонил фронтовой друг.

Смотрю на него — смеется, шутит... Вдруг помрачнел, печально закивал головой: кого-то, видно, вспомнили бывшие фронтовики.

И я вспомнил. Вспомнил его короткие рассказы о финской и Отечественной, в которых рядовой артиллерист Никулин воевал «от звонка до звонка». Особенно — о блокадном Ленинграде, который защищал и где увидел он столько человеческого горя.

— Как-то, — сказал мне однажды главный режиссер цирка Марк Местечкин, — не тогда ли решил Никулин, что своим послевоенным трудом, если останется в живых, будет нести в жизнь людей веселую улыбку, смех, доброту, радость?..

Он остался в живых. Догадка Местечкина оказалась верной.

И уже не вдруг в памяти возникают многие из никулинских героев на манеже и в фильмах. Уже не вдруг пришло понимание того огромного драматического начала, которым Юрий Владимирович, едва ли не первый из отечественных клоунов, окрасил своих героев.

Он никогда не смешил зрителей вообще. Он направлял их смех по конкретному адресу, к конкретной категории людей и явлений. И потому клоун Никулин (как часто неверно, упрощенно понимаем мы слово «клоун») был и остается для

нас глубоко социальным актером. В этом смысле он наследовал и развил в цирке традиции великого Анатолия Дурова. В этом смысле Никулин и сам стал явлением на отечественном манеже.

Да, было смешно, когда он с Шуйдиным играл сценку взвешивания яблок. Вы помните: Никулин руками изображал две площадки, на одной из которых якобы стоят гири, а на другой — яблоки. Шуйдин все добавлял и добавлял по яблоку, а рука-площадка с ними не опускалась. «Ты что?!» — кричал Шуйдин. «Не шуми, — спокойно отвечал Никулин и указывал на покупательницу: — Это моя жена». То была не просто веселая сценка, но фельетон. А фельетон, как известно, жанр социальный.

На манеже Никулин никогда не был чистым, так сказать, комиком. В его сценках, репризах главным действующим лицом был не смех, но вызывающий этот смех человек. Да, со стороны взглянуть — маска. Но человек в ней, попадая в различные обстоятельства, каждый раз поражал парадоксальностью своего мышления — маска превращалась в образ. В художественный образ.

Вот, верно, откуда внимание к Никулину драматических режиссеров, режиссеров кино. Но, увы, не сразу угадали они в цирковом актере будущих героев таких фильмов, как «Когда деревья были большими», «Они сражались за Родину» и особенно — «Двадцать дней без войны». Строго говоря, произошло то, чего никогда не было: клоун на манеже, Никулин стал не менее прекрасным исполнителем драматических ролей на экране. Я что-то не припомню подобного в творческой судьбе какого-либо другого артиста цирка. Да еще — клоуна.

Фильм «Когда деревья были большими» вышел на экраны в 1963 году. Между тем уже в пятьдесят девятом стало ясно, что талант Никулина — актера несет в себе все, чтобы проявиться в драме. Вспомните эпизод, который Никулин сыграл в фильме «Неподдающиеся». У его героя, угловатого, внешне смешного неудачника, нелады в семье, и он с неохотой кому-то рассказывает об этом. Буквально в двух словах. Да, со стороны взглянуть — смешной человек, с невидимыми миру сле-

зами. Но тут же, глядя на него, такая тоска накатывает, такое чувство жалости к никулинскому герою... Удивительно глубокий второй план!

Масштаб драматического дарования молодого Никулина едва ли не сразу почувствовали и поняли именно мастера сцены. Не случайно И. В. Ильинский приглашал Юрия Владимировича в труппу Малого театра, а известный мхатовский актер и режиссер М. Н. Кедров был совершенно убежден, что Никулин работает «по Станиславскому». А вот высказывание о творчестве Никулина одного из крупнейших мастеров отечественного театра Николая Павловича Охлопкова: «Странно... Я хохочу, глядя, как он делает... черт знает что, и в то же время чувствую высочайший интеллект этого актера».

Сегодня о драматическом таланте Никулина написано немало и именно в связи с работой Юрия Владимировича в кино. Но ведь свои слова Охлопков сказал задолго до первого появления Никулина на экране... Я сижу в кабинете Юрия Владимировича, а он продолжает с кем-то говорить по телефону. У кого-то из сотрудников цирка неприятности дома — делятся своей печалью с директором. И уходят от него успокоенными, даже чуть повеселевшими, как мне кажется. А директор, у которого дел невпроворот, лишь улыбается своей так знакомой всем нам улыбкой и почему-то виновато разводит руками: вот, мол, видите как... люди...

Потом он тут же, в кабинете, «обеждает», это всего лишь чашка чаю и пара бутербродов. Это время принадлежит только ему.

Во всяком случае, так должно быть. Так ему кажется. И напорно кажется. Снова кто-то входит, снова что-то обсуждается по работе или человек просто зашел повидать его и что-то сказать. И снова — телефонный звонок, из управления. А чай стынет, бутерброды так и не съедены...

...Как далек сегодняшний день директора и художественного руководителя цирка народного артиста СССР Ю. В. Никулина от того дня, когда он пришел поступать в студию клоунады. Перед членами приемной комиссии стоял пареня в серой солдатской шинели.

— Мрачный какой-то, — сказал один из членов комиссии. — Какой из него клоун... Марк Местечкин предложил солдату:

— Улыбнитесь, пожалуйста. Тот пожал плечами.
— Если вам это очень нужно, пожалуйста.

Много лет спустя Местечкин, главный режиссер цирка, скажет мне:

— Я тогда понял: в студию пришел талантливый человек.

Юрий Владимирович Никулин из тех, мне кажется, актеров, которые не очень любят быть героями очерков, интервью. Информацию приходится буквально «вытаскивать» из него. Зато охотно рассказывает он о своих друзьях, о людях цирка, кино. Я помню, как несколько лет назад он охотно откликнулся на мою просьбу поговорить об Иване Герасимовиче Лапикове, с которым его связывает многолетняя дружба. А какой добротой светились его глаза, когда он вспоминал о своих встречах с Аркадием Исааковичем Райкиным, как буквально по-детски дивился он уникальному мастерству артиста...

...Нет, не верится, что ему шестьдесят пять.

Он продолжает жить жизнью талантливого, беспокойного и трудолюбивого человека. Сегодня ему приходится решать десятки совершенно различных творческих и административных вопросов. И он рад этой своей ежедневной занятости, наполненности дней. Конечно же, он устает на работе. Приходит домой... и продолжают звонки.

Он такой. Не может и не хочет быть другим.

И еще. С годами, мне кажется, не меняется его улыбка. Добрая и неповторимая никулинская улыбка, от которой становится уютно. И сам он любит, когда улыбаются люди.

Л. ДНЕПРОВСКИЙ.
Фото А. Анульшина.